

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОГЕНЕЗА: ГЕЙДАР АЛИЕВ И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ НАЦИЯ

Адилъ Асадов

доктор философских наук, профессор
Институт Философии и Социологии НАНА

Имеются данные о том, что Мамед-ага Шахтагинский еще в конце XX века, а именно, в 1891 году в своей статье под названием «*Как называть закавказских мусульман?*», опубликованной в газете «*Каспий*» предложил называть нас, закавказских мусульман, “адербеджанцы”(!), а наш язык “адербеджанский язык”(!).

Это предложение известного азербайджанского ученого, общественного деятеля, публициста, просветителя, педагога, востоковеда, в прошлом депутата Государственной Думы России от Иреванской губернии Мамед-ага Шахтагинского не было притворено в жизнь, в силу отсутствия социально-политической основы. В прежней Российской империи даже после этого предложения, так же как и раньше, продолжали называть нас «татарами», а наш язык «татарским», хотя мы называли себя «тюрками»/«мусульманами», а свой язык «тюркским»/«мусульманским».

Собственно, такое положение дел продолжалось практически до создания Азербайджанской Демократической Республики. В течении всего периода существования Азербайджанской Демократической Республики (май 1918г.—апрель 1920г.) критерии национального самосознания коренным образом изменились и произошла быстрая эволюция от религиозно-общинного самосознания (построенного на основе мусульманской идеологии) к национальному самосознанию (построенного на основе идеологии тюркизма). В итоге, критерии общинного самосознания, построенные на основе мусульманской идеологии, постепенно отступили на задний план, уступив место критериям национального самосознания, построенных на основе идеологии тюркизма. Постепенно место формулы национального самосознания «мусульманский народ» начала завоевывать формула «тюркский народ», и при этом было отмечено, что выражение «мусульманский народ» в корне не правильное, потому как национальная принадлежность полностью отличается от религиозной принадлежности и выражение «мусульманский народ» не считается правильным. Уместно вспомнить характеристику отличия национальной принадлежности от религиозной, которую дал, за много лет до этого времени, выдающийся Азербайджанский просветитель XIX века Мирза Фатали Ахундов и которая постепенно начала занимать доминирующее положение.

Если не принимать во внимание целый ряд спорадических случаев и исключений, можно с уверенностью подтвердить, что только после 30-х годов прошлого века мы стали официально называть себя азербайджанцами. Это было выражением новой реальности.

Формирование как народа, так и нации на самом деле происходит на основе политического контекста. В то же время необходимо отметить, что до сих пор существуют взгляды, рассматривающие понятие нации вне политического контекста. По мнению некоторых из них, нация может быть и независимым (речь идет о политических и неполитических нациях). Хотя ... против этого мнения могут быть представлены простые и неопровержимые контраргументы.

Границы национального самосознания, сформированные в 30-х годах XX-го века, естественно, отличались от границ национального самосознания времен Азербайджанской Демократической Республики. Однако, начиная с 80-х годов XX-го века, политическая реальность подверглась серьезным трансформациям, вследствие чего, критерии национального самосознания не только заново превратились в предмет дискуссий, но, даже, создали серьезную опасность для самого нашего национального существования, которое продолжалось до 15 июня 1993 года.

Это было временем, когда рушащееся наше этническое бытие было восстановлено, на уровне феноменальной личности Гейдара Алиева, сумевшего объединить народ под азербай-

джанским флагом, сплотив его вокруг единой идеологии. Это было время, когда понятия «азербайджанский народ» и «азербайджанец» были на грани архива в истории. Гейдар Алиев сохранил вклад, вложенный советским государством в этногенез Азербайджана. Он однозначно подчеркнул и по существу утвердил в политической действительности, что азербайджанский народ не является «приложением» какому-либо народу (даже в кругах соседних с Азербайджаном государств) и что азербайджанский язык является государственным языком независимой Азербайджанской Республики. За время своего правления он превратил Азербайджанский народ в Азербайджанскую нацию, в большом и в истинном смысле этого слова. Если государство является выразителем воли народа, народ перерастает в нацию. В отличие от народа вообще, нация не только сосуществует с государством, она является опорой, выразителем воли и интересов для государства. После распада СССР люди, как правило, выступали против государственной власти (это продолжалось до прихода к власти Гейдара Алиева), потому что власть не принадлежала народу, который чувствовал над собой некое чужое господство. После прихода к власти Гейдара Алиева народ начал выступать за государственную власть и встал на защиту своего государства. Гейдар Алиев передал власть народу, создал национальное учение – идеологию азербайджанства, объединяющую граждан Азербайджана, мобилизующую наш народ вокруг единой идеи, убеждений, целей и задач на международной арене. В структуре общества, где в тот период царил хаос, анархия, противостояние почти всех сил, даже так называемых демократических, Гейдар Алиев смог создать упорядоченную, суверенную, обладающую собственной волей, собственной властью и собственным государством нацию. И по этой причине, думаю, что Гейдар Алиева мало называть просто сыном Азербайджанского народа, было бы более точным и лучшим, называть его отцом Азербайджанской нации.

Наш народ свято чтит память своего великого сына. Люди разных возрастов приходят на Аллею почётного захоронения, чтобы почтить память Великого Лидера, до конца с честью выполнившего миссию спасателя, заслуги которого даровали ему бессмертие. Церемония прощания с Гейдаром Алиевым поставила последнюю точку в этногенезисе Азербайджанской нации, как политической нации. После восстановления независимости Азербайджанской Республики, после того как Азербайджан начал интегрироваться в мировое сообщество в качестве суверенного государства, можно сказать во всех сферах общественной жизни произошли коренные изменения. Традиционной идеологии было отказано, считая ее исторической ошибкой, а мировоззренческие стереотипы, которые отрицались и были скрыты историческим процессом, после себя оставили идейный вакуум. Как и ожидалось, этот вакуум начал заполняться содержанием других ценностных ориентаций. Возвращаясь от общества, где доминировали коммунистические мировоззрения и коммунистическая идеология к обществу с плюрализмом мнений, мы наблюдаем возрождение самых различных механизмов мышления. Большое внимание привлекает взгляд за единство всех тюркских народов – культурно-политического движения Туран. В обществе пошла модернизация, в которую был вовлечен ряд факторов: образование, массовые коммуникации, идеология, ценности и отношения, рост знаний и науки – переход от традиционного общества к современному. Любое государство, которое ставит перед собой цель модернизироваться, идет по пути демократизации и, таким образом, изменения становятся ощутимы как в экономике, управлении, культурном производстве, так и во всех формах социального взаимодействия, и в какой-то степени в свободе мысли и слова.

Однако интересно то, что такая свобода мысли, можно сказать, не рассматривалась в политической философии. Тотальный скачок наблюдался от восхищения и в некоторой степени рабства перед идеей коммунизма к восторгу и в определенном смысле рабству перед демократической идеей. В результате этого скачка критерии самосознания общества становятся иными, подвергаются преобразованиям, изменениям от прошлого к будущему.

Мотивы социального и политического действия заново были определены на основе абсолютизации демократизма. Многие проблемы, принятые как решенные, приобрели характер актуальных, а проблемы, считающиеся до тех пор, актуальными потеряв статус реальности, полу-

чили форму иллюзии. И все же, в первые годы независимости, мотивы социального и политического действия, официально и искренне принятые как обществом, так и государственной властью, скрывающиеся под завесой демократии, не принесли обществу ни моральный покой, ни благоденствия. Общество ощутило себя в пучине несправедливости, несостоятельности и неопределенности, не укрепились как единая монолитная нация, наоборот направилось в сторону раздробления и даже ослабло перед угрозой внутренней смуты. Ясно стало ощущаться, что признание и провозглашение преимуществ демократии, как бы ни было необходимым, является не достаточным. В обществе появилась необходимость в силе, которая спасла бы его от состояния колебания, потери независимости, общество пожелало командующего, чрезвычайно могущую личность. В такой трудный и сложный период Азербайджана народ видел свое спасение только в Гейдаре Алиеве, который превыше всего ставил судьбу Родины. Великий Лидер Гейдар Алиев, вернувшийся к власти в 1993 году, взял на себя очень трудную и в тоже время почетную миссию спасения нашей независимости от разрушения, взял на себя большую политическую миссию по решению судьбоносных вопросов страны. И тогда же были заложены основы новой политической действительности и новой политической философии Азербайджана. Подлинность каждой политической философии или политической философской доктрины определяется степенью реализации ею своего исторического назначения. И именно поэтому государство, на самом деле, выступает больше как олицетворение политической философии, нежели как его объект познания.

К понятию личность, я, подхожу с позиции персонализма, считая персонализм, в определенном смысле, течением, связанным с применением аристократической концепции в жизнь общества. Короткая характеристика этого течения, которая имеет историю в мировой науке протяженностью в один век (а в Азербайджанской науке только пускает свои ростки), следующая: персонализм, как известно, является теорией, считающий личность как субстанциональное начало и объясняющий мир исходя из этого начала. А у нас, в постсоветских странах, понимание личности, пока еще, в основном опирается на традиционную марксистскую схему. Сама по себе, эта схема носит объективистский характер. На самом же деле, истинная роль личности в мире и обществе намного выше, чем это предполагает объективизм. Персонализм выступает именно из этой возвышенности личности. Чем отличается личность от индивида? Индивид, как считает великий русский философ Николай Бердяев, осознает себя как часть мира, как член общества. Личность же воспринимает себя не как один из многочисленных людей, а как неповторимая, уникальная сущность. Индивид живет в мире, который ему предоставили, личность же сам строит свой собственный мир. И я считаю, что индивид приспосабливается к настоящему миру, ловит пульс времени, личность же придает смысл времени, определяет то, каким должно быть время. Индивид является жителем, а личность основателем социального пространства. Индивид хочет занять один из уже созданных для людей мест, личность же сам создает и распределяет эти места. Можно сказать, что все это является общепринятыми принципами персоналистической теории. Для развития, и в Азербайджане, такой теории уже давно возникла как историческая почва, так и историческая необходимость. О существовании этой необходимости было высказано впервые в девяностые годы прошлого века.

Одним из сфер применения персоналистической теории может быть этногенез. А как может объясняться происхождение народа и нации в свете теории персонализма? В первую очередь попытаемся ответить на такой вопрос. Чем и насколько отличаются друг от друга народ и нация? Я не вижу здесь необходимости представления марксистского объяснения. Только ограничиваюсь напоминанием того, что марксистское объяснение отличает народ от нации лишь на основе экономического признака. В современном политическом мышлении существует еще одна господствующая парадигма осмысления этого понятия. В рамках этой парадигмы народ от нации, и других этнических общностей, различается не экономическими или же другими признаками, перечисленными в марксизме, а политическими признаками. В этом случае, по сути, отождествляются понятия «нация» и «государство» и с этой точки зрения, чтобы выразить смысл понятия «государство», слово «нация» считается более подходящим, чем слово «государство».

Следует обратить внимание, например, как американцы, называют свое государство не state, а nation. Здесь слово nation дает смысл как нации, так и государства. Насколько бы я не был человеком далеким от абсолютизации американского взгляда и западного понимания событий, тем не менее, даю предпочтение пониманию нации исключительно в современном восприятии, в контексте современного политического мышления.

Естественно, в связи с персоналистической концепцией этногенеза может возникнуть и такое опасение, что если нация является творческим продуктом исторической личности, тогда она через некоторое время может потерять свое национальное бытие. К сожалению, действительно, есть основа для такого опасения. От могущества, проистекающего из личности, нация становится могущественной, а при случаях ослабления этого течения - нация может потерять свое могущество, и естественно, даже свою независимость, а значит в определенном смысле даже свое существование. И именно это является одним из факторов, актуализирующих тему персоналистической концепции этногенеза. В связи с персоналистической концепцией этногенеза может возникнуть и такой вопрос, разве Азербайджанская нация не существовала веками? Разве культура, начиная от Гобустана, Манны, Мидии не является нашей? Конечно же, наша. Тем не менее, нация не является результатом объективного процесса продолжающегося веками, она, скорее всего, является результатом использования носимых в конкретном человеке харизматических, властных ресурсов по своему внутреннему назначению, то есть для обществообразующей цели. Это результат конкретного исторического события, результат реализации новых организующих ресурсов общества, результат реализации потенциала политического творчества в широком социальном пространстве.

В то же время необходимо отметить, что концепции, рассматривающие понятие нации в стороне от политического контекста, конечно же, и ныне, и почти с полным правом, продолжают свое существование. По мнению некоторых этих концепций, нация может и не являться независимой (речь может идти о политических и неполитических нациях). Но...против этих концепций могут быть поставлены простые и всё-таки неопровержимые контраргументы. Если обратить внимание на выражение “Организация Объединенных Наций” с аналитической точки зрения, то с легкостью можно заметить, что народ, не имеющий своего государства, не является нацией. Другой пример, а в то же время и вопрос: слово “национализация” по своему смыслу и сущности разве не означает “огосударствление”?! Кроме того, может возникнуть и такой вопрос: нет ли роли других факторов в формировании нации, скажем природных факторов, факторов окружающей среды? Думаю, что ответ на этот вопрос в следующем: роль природных факторов и природных условий в формировании нации (которая, конечно же, есть и очень велика, но не единственна). Особенности природной среды, а также свойственность массы, на основе которой формируется нация, история, память крови самой этой массы, хотя и не являются определяющими, но все же играют определенную и важную роль в формировании нации, впрочем, как пассивная сторона этого процесса. Окружающая среда и человеческая масса, по существу, являются фемининным началом национального этногенеза. Маскулинным же началом формирования нации является личность. Я хотел бы напомнить слова этой личности, слова Гейдар Алиева: «Я против культа личности, но никакое общество не может жить без личности». Эти слова, принадлежащие Великому Лидеру Гейдару Алиеву, также выражают чувство гордости, рожденное от личностного сознания.

Личностью является тот человек, от которого масса ждет событий. Построенное Гейдаром Алиевым государство и нация, основанные на выдвинутой и реализуемой им идеологии азербайджанизма явились знаменательными событиями в истории Азербайджана.

Использованная литература

Adil Əsədov, Siyasətin fəlsəfəsi: insan, cəmiyyət, hakimiyyət və siyasət spiritualist aristokratizm fəlsəfəsi kontekstində (məhiyyətin gercəkləşdirilməsinə yönələn insani iradə və onun tarixi taleyi üzərində düşüncələr).//Fəlsəfi pentalogiya: 5ci cild.// Yenidən işlənmiş və genişləndirilmiş nəşri. (Monoqrafiya). Bakı:Təknur, 2013.-464s.(işarə sayı-850956)